

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 767-780
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.767

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of Autonomization of Territorial Units in the Russian Empire. Content of Public Discussions of the XIX – beginning of the XX centuries

Egor E. Kochetkov ^{a, *}, Anna A. Niklaus ^b

^a Russian University of transport (MIIT), Moscow, Russian Federation

^b Moscow psychological and social University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of autonomy in the context of the historical development of the Russian Empire. The autonomy of the territorial units of a large state, which Russia has always been, is a complex and multifaceted process that depends on many factors. An analysis of the strengths and weaknesses of the process of autonomization in the Russian Empire is given – an issue that is also relevant for modern Russia. For this reason, the issue of autonomy is still a subject of discussion for both scientists and practitioners, just as it has been for centuries in Russian society. The article describes the political and administrative measures taken by the government of the Russian Empire to provide varying degrees of autonomy to various regions and ethnic groups of the country. These measures, although they had some success in relation to the promotion of local self-government and the preservation of cultural diversity, but faced significant problems and restrictions for various reasons, especially in the context of increased control and centralization by the monarchical power. The tension between the desire of the central government for control and the desire of the local population for more self-government is noted. The authors emphasize that the difficulties of the autonomization process of the empire were associated with regional differences, the unique history and culture of different regions, and linguistic differentiation. To support his arguments, the authors use a number of academic sources, including legal acts and materials of scientific discussions. An attempt to consider the problem of autonomization of the territorial units of the Russian Empire is correlated in the article with the historical realities characteristic of Russia with a projection on the present.

Keywords: autonomy, autonomization, territorial units, Russian Empire, centralization, regionalism, decentralization, political power, discussions.

1. Введение

Автономизация территориальных единиц является одной из наиболее важных проблем, с которыми сталкивалась на протяжении всей своей истории Российская империя. Сутью данной проблемы всегда был поиск баланса между централизованностью управления и учетом интересов регионов (Ахременко, 2012: 15). Стремление к автономии регионов прослеживается на протяжении всей истории Российской империи (Ключников, 1994: 28), но и в современной России проблема автономизации территориальных единиц не утратила своей актуальности. По этой причине вопрос об автономиях по-прежнему является предметом дискуссии как ученых, так и практиков – так же, как это происходило в российском обществе на протяжении столетий.

Как известно, одной из главных задач автономизации является учет национальных интересов и мнений представителей местных сообществ. Однако вопросы этнической и национальной идентичности, которые могут повлиять на принятие решений о самоуправлении территорий, всегда

* Corresponding author

E-mail addresses: kochetkov.work@gmail.com (E.E. Kochetkov), nicklaus.anna@gmail.com (A.A. Niklaus)

оставались сложными. На протяжении столетий российские власти сталкивались с многочисленными национальными движениями, выступающими за общенациональную автономию (Бухарин, 1959: 44).

Исторический контекст автономизации территориальных единиц в России тесно связан с развитием государственности Российской империи. Первые шаги в направлении автономии были предприняты еще в эпоху царствования Петра I. В те времена Россия только начинала формировать свою территорию и национальный состав населения, поэтому царь Петр I установил ряд мер для облегчения управления государством и смягчения социально-экономических противоречий (Соловьев, 2013: 89).

Следующим этапом в развитии автономии стало учреждение губерний в России в конце XVIII века. Новая территориальная организация стала основой для решения многих вопросов, связанных с управлением империей, и создания единой территории, объединенной общим законодательством и административными функциями (Соловьев, 2013: 48).

Процесс автономизации был вызван различными причинами и имел различные формы. Один из ранних примеров результатов перманентных процессов автономизации – автономия казачьих общин в Российской империи, обусловленная конфликтами с властями и желанием сохранить свои традиции и обычаи (Уваров, 2018: 3).

Однако автономизация территориальных единиц в Российской империи в том смысле, как мы это понимаем сегодня, началась в конце XIX века и продолжалась до революции 1917 года. Она была вызвана необходимостью урегулирования социально-экономических и политических проблем в различных регионах империи.

Одним из основных законодательных актов, регулирующих автономию в России, был Манифест 17 октября 1905 года, который предоставлял право на создание автономных регионов и провозглашал свободу вероисповедания, языка и национальной культуры. Так, в 1905 году был провозглашен Манифест, который устанавливал автономию для Финляндии. Этот акт был важным шагом в сторону более широкой автономии в Российской империи (Розенберг, 2015: 59). Позднее был принят ряд законов, которые конкретизировали этот Манифест, в том числе Закон об автономных республиках 1917 года (Шелохова, 2014: 5).

Первая мировая война и революционные события, происходившие в России в начале XX века, привели к тому, что государственная власть была ослаблена, что, в свою очередь, стимулировало региональные стремления к самоуправлению. В ходе революции 1917 года буржуазная демократия была свергнута, а власть перешла к большевикам. В новой государственной системе Советской России была установлена принципиально новая модель территориального управления – федерализм (Буторин, 2019: 65).

В целом процесс автономизации территориальных единиц в Российской империи был неоднозначным и не всегда успешным. В разных регионах применялись разные модели автономии, их реализация зависела от местных особенностей и интересов. Так, например, в Башкирии и Татарстане была создана модель автономии, основанная на национальности, которая предоставляла право на самоуправление национальным элитам, а в Сибири – на экономической автономии, чтобы сохранить местные доходы (Буторин, 2019: 65).

Оценка эффективности автономизации в Российской империи разнится и у исследователей разных периодов. Одни полагают, что автономия не привела к реальному укреплению централизованной власти, а другие, наоборот, считают, что она помогла сохранить единство Российской империи на некоторое время.

С целью анализа основных идей касательно решения проблемы автономизации территориальных единиц в Российской империи в данной статье проведено исследование содержания общественных дискуссий в имперской России относительно необходимости автономизации территории империи с целью оценки имеющихся в тот период возможностей территориального обустройства с учетом тех исторических реалий и прогнозирования долгосрочных политических последствий этого процесса уже в наши дни.

2. Материалы и методы

Историография данной темы предполагает не только фактологическое описание исторических событий, которые сопровождали процессы автономизации территориальных единиц в Российской империи в разные периоды ее существования, но и анализ тех общественных дискуссий, которые интенсивно проходили в рамках данной проблематики на протяжении всего XIX века, особенно во второй его половине и далее – в предреволюционный период. Важными в данном контексте представляются те методы, источники и теоретические подходы, с помощью которых историки исследовали процесс автономизации, приводя те или иные аргументы в пользу своей мировоззренческой позиции и политических взглядов. В этой связи авторы статьи рассматривают эти процессы, часто весьма противоречивые, на примере анализа работ видных историков и обществоведов преимущественно XIX – начала XX столетий, в которых в той ли иной форме излагаются различные взгляды на возможное решение вопроса по территориальному обустройству России. В частности, приводятся тезисы таких известных отечественных и зарубежных мыслителей и

общественных деятелей XIX и рубежа веков, как М.А. Бакунин, А.И. Герцен, П.А. Кропоткин, В.Е. Поссе, В. Водовозов, П. Сорокин, Г. Новоторжский, А.Т. Снарский, К. Кульчицкий (Мазовецкий), М. Грушевский, Н.И. Лазаревский, М.Б. Ратнер, П. Лабанд, В.О. Динзе, И. Шраг, Д. Левин, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, В. Ленин, К. Каутский и др.

Авторы используют как академические источники, так и научно-правовую литературу, а также материалы съездов, форумов, программ политических партий, тексты манифестов и деклараций дореволюционного периода.

Среди современных авторов, разрабатывающих проблематику российских автономий в историческом контексте, можно выделить А.С. Ахременко, А.М. Ключникова, А.А. Соловьева, А.Л. Розенберга, Н. Шелохову, С.А. Буторина, В.И. Бондаренко, Ю.В. Григорьева, А.А. Сидорова, А.В. Сергеева, О.А. Ремизова, А.Г. Гаджиева, Т.А. Степанову и др., тезисы которых также приведены в данной статье.

В работе использован широкий круг научных методов, как общенаучных, так и частных.

Так, ретроспективный метод исследования позволяет воссоздать исторические реалии, в которых происходила автономизация территориальных единиц в Российской империи, как на основе исторического дискурса прошлого, так и по более поздним источникам, опубликованным в наше время.

Используемый в статье историко-сравнительный метод исследования позволяет провести аналогии между событиями разных периодов российской истории и установить исторические закономерности политического процесса.

Помимо историко-сравнительного метода и метода единства исторического и логического, в статье использован метод телеологического или аутентичного толкования, поскольку при использовании исторического материала необходимо понимание того, какими целями руководствовались российские власти в ходе принятия того или иного решения касательно автономизации территории страны, либо того, как его толковали идеологи, формировавшие общественное мнение по вопросам территориального деления. В этом контексте было важно выявить противоречия в тенденциях автономизации территорий Российской империи и понимания их природы.

Также был использован метод дедукции (нисхождение от общего к частному) при анализе объективных причин автономизации и метод индукции (восхождение от частного к общему) при анализе практики реализации процесса автономизации – на основе конкретных решений сделаны обобщающие выводы.

Системный и институциональный методы позволили рассмотреть историко-политические предпосылки возникновения автономий на территории Российской империи, дать оценку этому политическому феномену в его развитии на протяжении столетий, выявить проблемы и противоречия автономизации территориальных единиц в Российской империи.

В свою очередь, метод актуализации позволяет учитывать прошлый исторический опыт и на его основе прогнозировать развитие возможных событий, в частности решение проблемы автономизации российских территорий в современных условиях.

3. Обсуждение и результаты

В истории российской науки и историографии можно выделить несколько подходов к решению проблемы автономизации территориальных единиц. Один из первых подходов был связан с созданием земств и губернских управлений, которые получили определенную степень автономии в решении вопросов своей территории (Грушин, 2002: 56). Второй подход был связан с созданием национальных округов, где жители могли самостоятельно управлять своими делами. Данный подход основывался на политико-философских и правовых трудах Г.В.Ф. Гегеля (Гегель, 1990: 65). Третий подход предусматривал создание региональных государственных образований уже после 1917 года, таких как Башкирская АССР, Татарская АССР и др., которые получили значительную степень автономии в решении вопросов своей территории (Зубов, 2011: 218), и процесс автономизации пошел совсем по другому пути.

Как отмечают Ю.В. Григорьев и В.И. Бондаренко, история самоуправления территорий в России всегда была сложной. Так, в своей монографии «Автономизация: история и современность» В.И. Бондаренко рассматривает историю автономизации в России, начиная с царских реформ 1860-х годов и заканчивая современным периодом (Бондаренко, 2019: 58). Автор исследует исторические предпосылки процесса автономизации, выделяет ключевые аспекты, способствующие возникновению автономных единиц в Российской империи, выявляет противоречия между централизованной властью и автономными областями, их культурной и этнической идентичностью.

В свою очередь, Ю.В. Григорьев в своем фундаментальном труде «Российская автономия: история и перспективы» рассматривает историю развития автономии в России в ее взаимосвязи с общественными движениями за самоуправление территорий (Григорьев, 2008: 38). Автор затрагивает ключевые факторы, которые способствовали возникновению автономий в России, в том числе специфические социально-экономические условия и этнические конфликты, анализирует

проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются автономные регионы в России, включая проблемы финансирования и межрегиональных отношений.

История автономии и федерализма в России рассматривалась в ряде публикаций последних лет, например, в статьях А.А. Сидорова «Автономия и федерализм в России: история и современность» (2015 г.) (Сидоров, 2015: 32-38), А.В. Сергеева «Автономия в России: история и современность» (2019) (Сергеев, 2019: 74-84) и др., в которых авторы анализируют специфику российских автономий, проблемы и вызовы, с которыми столетиями сталкивались части огромной страны в своих попытках автономизации.

Однако наибольший интерес для нас в контексте проблематики данной статьи представляют общественные дискуссии XIX столетия, когда Российская империя максимально расширила свои границы и перед огромным государством остро встала необходимость сохранения его целостности и поддержания социального порядка.

Среди проблем, волнующих русское общество XIX – начала XX вв., вопрос об автономии провинций и народностей был одним из самых важных. Как апофеоз социально-политической напряженности в российском обществе на протяжении десятилетий особенно остро этот вопрос встал в 1905 г., наряду с проблемой защиты прав народов, населяющих Российскую империю. Среди законодателей, общественных деятелей, ученых, журналистов развернулась широкая дискуссия о необходимости обеспечения полного равноправия всех народностей и их права на культурное и политическое самоопределение, а также о самоопределении народностей с правом отделения, с предоставлением отдельным народностям, заселяющим определенные части государственной территории, права на автономию на основаниях, устанавливаемых особым статутом (Грушевский, 1907: 4).

Предполагалось, что принцип территориально-национальной автономии должен быть принят в ряду других оснований нового государственного строя. Для ее осуществления национальный принцип должен быть положен в основу всех территориально-общественных организаций, начиная с сельской общины и далее – в основу мелкой земской единицы, всякого рода избирательных округов и провинциальных подразделений – насколько хватило бы данной этнографической территории и национальной массы для этих округов и подразделений. И коль скоро она достигает того минимума, который может быть признан достаточным для образования самоуправляющейся национально-территориальной области, то он должен быть организован для нее согласно определенному порядку самоуправления.

Население России состояло из многих национальностей – малороссов, белорусов, поляков, евреев, латышей, грузин, армян, татар и т.д. Все эти народности значительно отличались друг от друга по языку, по верованиям, по законам и обычаям. В силу этого перед огромной империей вставал вопрос: какой порядок всего лучше обеспечивает могущество и единство государства и в то же время не стесняет прав и свободу развития каждой из этих народностей?

Как представлял это Питирим Сорокин, необходимо было в данной связи установить в российском государстве полное равноправие национальностей, с одной стороны, и национальной автономии (самоуправления) – с другой. При соблюдении этих условий выигрывает и каждый народ в отдельности, и все государство в целом (Сорокин, 1917: 8).

В прошедшие столетия многие крупные государства формировались путем захвата территорий, что способствовало значительному разнообразию их внутренней структуры (Новоторжский, 1906: 14). Каждая область в составе такого государства была уникальной и имела свои национальные и экономические особенности. При этом проблема гармоничного существования автономных единиц представляла практический интерес для всех государств со смешанным национальным составом населения, в том числе и для России.

Россия состояла из ряда разнородных областей, таких как Финляндия, Польша, Украина, Кавказ, Прибалтийский край, Литва, Сибирь, Великороссия, а также из нескольких краев с различными географическими, климатическими и экономическими условиями, такими как Центральная Россия, Поволжье, Урал и Север России. Для эффективного управления государством необходимо было, чтобы управляющая власть была ближе к управляемым территориям. Управлять такой огромной страной, как Россия, из одного центра, Петербурга, было невозможно. Поэтому актуализировалась проблема развития местного самоуправления и децентрализации в системе управления, то есть автономизации территориальных единиц империи.

Автономия, как правило, понималась многими обществоведами, например Г. Новоторжским (Новоторжский, 1906: 14), как областное самоуправление, а не только национальное. При этом автономия могла быть национальной или территориальной (областной), и если на территории проживает одна национальность, то понятия национальной и территориальной автономии должны совпадать.

В случае, когда население определенной области большей частью состояло из представителей одной национальности, а меньшинство принадлежало к другой национальности, национально-территориальная автономия не решала вопросов меньшинства. Такая ситуация, например, была характерна для Польши, где евреи были меньшинством по сравнению с поляками. Для обеспечения прав меньшинства рассматривалась возможность культурно-национальной автономии, которая

предполагала участие представителей меньшинства в управлении областью со смешанным населением. При этом затраты на культурные нужды меньшинства должны были соответствовать количеству представителей этой национальности. Если народность проживала на территории нескольких областей и была меньшинством, обсуждалось ее право на создание национального союза для самоуправления, который распространялся бы на все области, где она находилась в меньшинстве. При этом различались национально-территориальная автономия и национально-культурная автономия.

Однако, каким образом можно было примирить между собой имеющиеся в Российском государстве две противоположные тенденции – централизацию и децентрализацию? Исследователь начала XX века К. Кульчицкий (Мазовецкий) подчеркивал особую важность вопроса об отношении отдельных частей государства к целому, о пределах их самостоятельности во внутренних делах в условиях социально-политического кризиса в России (Кульчицкий (Мазовецкий), 1907: 4). Российская империя была весьма обширной. Ее владения не были рассеяны, как в Великобритании, а напротив, составляли сконцентрированное целое и были населены разными народами и племенами, стоящими на самых разных уровнях развития. Русский народ был при этом численно преобладающей национальностью в Российской империи. Это факт был чрезвычайно важным, так как именно он определял ее политическую организацию, которая не могла быть основана на строгом принципе централизации. В этой связи едва ли было бы возможным, чтобы Российское централизованное государство с количественным преобладанием одного народа могло быть разделено на самостоятельные части, связанные между собой только личностью монарха, т.е. образовать личную или реальную унию.

Реальная уния как форма государственного общежития неприемлема для России, по мнению К. Кульчицкого (Мазовецкого), потому, что она составлена хотя из разнородных частей, но различных по своей величине и и что поэтому она была бы невыгодна как для Империи в целом, так и для отдельных ее частей. Говоря о данной форме сложных государств, этот автор отмечал, что она не удовлетворяет условиям современного государства, которое нуждается в крепкой организации, опирающейся на прочные правовые основы и не зависящей в каждый данный момент от добровольного согласия его частей (Кульчицкий (Мазовецкий), 1907: 189).

Русское общество в лице некоторых политических партий относилось достаточно благожелательно к идее автономии других населяющих государство народов. Нерусское население могло всегда, поскольку оно не имело намерения оторваться от Империи, рассчитывать на поддержку этих элементов в центральном парламенте, в котором при этом сами представители чужих наций составили бы огромную силу.

Кроме того, Россия никогда не согласилась бы на разделение ее на ряд независимых государств, связанных лишь общностью монарха, ибо это ослабило бы ее международное значение.

Для того чтобы эффективно реализовывать автономию в России, следовало учитывать культурные особенности и целостность населения территорий. В определенной автономии нуждались такие части Российской империи, как Царство Польское, этнографическая Литва, Малороссия, Белоруссия, Латышский край, Эстонский край, Грузия, где население образовывало культурное целое. Армяне, в свою очередь, не имели сплошной территории, а находились в основном на Кавказе и у берегов Черного моря. При разделении России на автономные территории необходимо было бы руководствоваться общим принципом совпадения границ национальных групп и границ автономных единиц.

При этом самоопределение отдельных частей могло иметь различную степень и колебаться от самоуправления до автономии и федерации (Автономия и федерация, 1917: 9).

Как известно, автономия как понятие охватывает не только возможности осуществления законодательной власти в определенной мере, но и другие важные характеристики, которые отличают ее от самоуправления. В то время как деятельность органов самоуправления ограничена общим законом, органы автономии могут издавать распоряжения и устанавливать правила, не совпадающие с общими законами, по указанным в законе вопросам. С точки зрения интересов местного населения, автономия представлялась в тот период необходимым средством приведения местного управления в соответствие с его потребностями и запросами. Она обеспечивала в первую очередь возможность использования местного языка в управлении.

Многие российские обществоведы придерживались того мнения, что автономия не только не нарушает государственного единства, но его и не затрагивает. Однако были и другие мнения, когда при том положении унитарного государства, каким представлялась Россия, речь шла о предоставлении федеративных прав уже вошедшим в нее частям. Прежде всего, спорным был вопрос о том, где предел дробления этих частей – Великороссия и Малороссия, Польша и Литва, Курляндия и Эстляндия, Армения, Кабарда, территории, где проживали калмыки и киргизы, мордва и черемисы, самоеды и тунгусы и т. д. Если речь шла о предоставлении федеративных прав при добровольном присоединении, в этом случае проблема сводилась к отказу от известных прав, а не в том, какие права предоставляются. По мнению Н.И. Лазаревского, отличие между автономией и самоуправлением заключалось главным образом в том, что автономия является более широким понятием, охватывающим большее число сфер государственной деятельности, чем самоуправление, но, подобно самоуправлению, она представляет собой форму свободы в местном управлении (Лазаревский, 1906:

5). Согласно немецкому юристу Паулю Лабанду, существенным признаком, который отличает автономию от самоуправления, является право издания законов, заменяющих общие законы, в тех или иных вопросах, относящихся к данной местности (Laband, 1895: 97).

С точки зрения интересов государства, взятого как определенное целое, вопрос о значении автономии не так прост. Тут часто приходится наталкиваться на возражения, что автономия разрушает государственное единство, и потому, как бы она ни была желательна в интересах населения отдельных областей, от нее в интересах государственных надо отказаться, утверждал Н.И. Лазаревский (Лазаревский, 1906: 7).

Что касается другой категории российских ученых и их опасений касательно автономии, а именно озабоченности тем, не является ли автономия первым шагом к полному отдалению данной провинции от государства, то эти исследователи часто отрицали тот факт, что в истории бывали случаи, когда после автономии следовало отпадение провинции от государства.

Там, где речь шла об установленных гармоничных отношениях перемешанных между собою национальностей, принцип самоопределения этих «отдельных атомов» во избежание новых конфликтов «должен быть одухотворен каким-либо общим и высшим критерием, могущим внести стройность и гармонию в эту сумму сталкивающихся интересов», полагает М.Б. Ратнер (Ратнер, 1906: 6). В этой связи было крайне важно создать базу для разработки законодательства на основе единых критериев.

С идеей о национальной автономии территориальной, или областной, в истории русской политической мысли тесно связаны имена Герцена, Шапова, Лаврова и многих других корифеев и пионеров русского общественного движения. Это автономистское движение разрасталось до более широких размеров. Так, на съезде журналистов в Петербурге в марте 1905 года был образован союз автономистов из представителей множества национальностей, населяющих Россию: поляков, украинцев, армян, белорусов, эстов, грузин, евреев, татар, азербайджанцев (закавказских татар), латышей, литовцев. А с открытием Государственной Думы начала свою деятельность парламентская Фракция союза автономистов, ставящая себе целью «объединение или на областных, или на территориально-национальных началах для взаимной защиты и поддержки, а также для осуществления автономной идеи на демократических началах» (Шраг, 1906: 65), а также решения вопросов централизации и децентрализации.

Если централизация означает стягивание всевозможных дел со всей России в один правительственный центр, то децентрализация, наоборот, предоставляет множество дел на усмотрение местных провинциальных властей, земских и городских самоуправлений. Эти самоуправления были созданы после освобождения крестьян в эпоху так называемых великих реформ при Александре II. Правительственная власть должна была признать уже тогда, что нельзя всей необъятной и разноплеменной Россией управлять из одного центра, полагает В.О. Динзе, что столичные министерства не понимают множества местных нужд в разных губерниях (Динзе, 1917: 4).

Созданные в 1864 и 1870 гг. земские и городские самоуправления отличались многими существенными недостатками. Выборным от населения лицам дана была возможность в земствах и городах взять в свои руки те дела, какими раньше заведовали малоэффективные канцелярии. Так, например, земствам и городам перешло множество дел – дела по народному образованию, дела врачебные и страховые, продовольственные и дорожные, на ведение которых требовались большие денежные средства. Поэтому земствам и городам и дано было право облагать население особыми податями и налогами. Центральная правительственная власть освободила себя таким образом от обязанности входить во все нужды отдельных местностей, предоставив вести хозяйственные дела местному населению.

Однако правительству не удалось завершить реформы и создать подлинное самоуправление, отвечающее нуждам широких слоев населения. Во-первых, явное преобладание в земствах получили дворяне, а в городах – состоятельные купцы и заводчики. Во-вторых, оберегая сословные дворянские интересы, правительство отказало в земском самоуправлении тем губерниям, где не было дворянского землевладения (например, в Сибири). В-третьих, земского самоуправления лишены были местности с нерусским населением (например, Польша, Литва, Кавказ и пр.), так как правительство опасалось здесь враждебных ему революционных движений и восстаний. Но даже там, где земства были введены, правительство через своих губернаторов установило за самоуправлениями строгий надзор. Соответственно, если губернатор находил деятельность какого-нибудь земства «неблагонадежной», опасной в политическом отношении, то Министерство внутренних дел немедленно присылало особого чиновника, который упразднял земскую службу и увольнял земских работников. А «неблагонадежным» иное земство оказывалось зачастую потому, что слишком много средств тратило на дело народного образования, открыло много школ. Равным образом и на городские самоуправления правительство оказывало давление в нужном ему направлении. Назревали противоречия в социально-политическом устройстве страны.

В 1905 году русским освободительным движением поставлен был острый вопрос о тяжелом положении входящих в состав России народностей (Польша, Кавказ, Прибалтийский край и др.). Все эти инородные области требовали себе права на самоопределение, т.е. желали создать у себя широкое

самоуправление, отвечающее национальным особенностям данного края, своеобразному укладу его хозяйственной и культурной жизни. Россия не для всего разноплеменного ее населения являлась своим государством, родным и кровным. Историей закреплены были за Россией такие национальности, которые раньше либо существовали в качестве особого самостоятельного государства (например, Польша), либо управлялись своими законами и обычаями, пользовались широкой местной самостоятельностью. Самодержавная же власть, полагал В.О. Динзе, с одинаковой враждебностью относилась ко всяким национальным движениям, к стремлениям малых народностей иметь свою независимую церковь, такой суд и такую администрацию, где признавался бы не только государственный, русский язык, но и язык местного населения, где этот язык имел бы также место в школе и т.д. (Динзе, 1917: 8).

Результатом нарастающего интереса к этой теме в общественном дискурсе стал съезд представителей различных национальностей России (кроме великороссов), который проходил в 1906 году в Петербурге. В то же время в Государственной Думе вопрос об автономии не поднимался, однако уже образовался «союз автономистов», для которого автономия составляла самую существенную часть программы. Было очевидно, что автономия составляет фон всех политических намерений для окраин, ввиду чего теоретиками и практиками предпринимались попытки разобраться в понятии автономия, понять смысл и сущность общественных устремлений, во всяком случае – центробежных (Снарский, 1907: 3-4).

Иными словами, автономия как широкое местное самоуправление, обладающее по целому ряду местных дел собственной законодательной властью, явно отличалась как от простого самоуправления, так и от самостоятельного государства. «Самоуправление, – писал в 1906 году профессор Н. Лазаревский, – есть понятие, относящееся только к областной административной деятельности, а под автономией понимают такого рода полномочия, в которые, в известных пределах, входит также и осуществление законодательной власти. С другой стороны, в то время как каждое государство обладает правами, ни от кого им не полученными, или же такими, при осуществлении которых оно не подлежит ничьему контролю, автономная область свои полномочия получает от центральной власти, полномочия эти всегда могут быть изменены односторонним актом центральной власти и, наконец, осуществление этих полномочий всегда подлежит ее контролю» (Автономия, 1906: 13).

По мнению другого русского правоведа, В. Водовозова, «в точном смысле слова автономия говорит лишь о наличии собственного законодательства; однако в это понятие, безусловно, входит также самостоятельность самого управления» (Автономия, Энцикл., 1910: 332).

Таким образом, одна автономная область-провинция могла отличаться от другой не особым устройством своим, но только объемом тех дел, которые предоставлены ведению местных властей. В одной автономной области-провинции круг этих местных дел мог быть шире, в другой – уже, в зависимости от множества условий (величины земельной площади, национальной однородности населения, исторически сложившейся привычки к самоуправлению и т.д.).

Во всяком случае автономная область-провинция как форма местного самоуправления в Российской империи не могла ведать такими делами и решать такие вопросы, которые затрагивали бы интересы всего государства и были тесно связаны с удовлетворением нужд целой страны. Вот почему из местного законодательства автономных провинций-областей исключались вопросы почтовые, телеграфные, железнодорожные, таможенные и пр. Только центральная власть могла вести международные сношения, заведовать сухопутной и морской обороной страны.

Автономия же, по мнению В.О. Динзе, говорит о другом и вовсе не лишает общегосударственную власть таких прав, какие необходимы ей для успешного и плодотворного обслуживания интересов всего населения, целой страны. Существование автономных областей-провинций может, скорее всего, подействовать укреплению именно единства всей России, когда в ней не будет никаких препятствий к свободному развитию малых народностей; не будет трений в национальных отношениях, когда местные языки допущены будут, наравне с общегосударственным русским языком, в школу, суд, администрацию. Единое государство будет иметь возможность, опираясь на автономные области-провинции, приспособливаться к местным бытовым условиям, считаться с местными особенностями и таким путем приучать население видеть в центральной правительственной власти служение своим нуждам, «отблеск своей родной мысли, а не грозный кулак чуждого насильника» (Динзе, 1917: 13).

В.Е. Поссе полагал, что централизация разъединяет людей и что только свободная федерация снизу вверх может установить между людьми тесную связь, реальное объединение (Поссе, 1906: 27).

По мнению ряда видных общественных деятелей России XIX века, оказавших значительное влияние на российские социально-политические движения вплоть до предреволюционного периода, национальная автономия и федерация имеют целью не обособление национальностей, а, напротив, уничтожение национальных предрассудков и установление тесной их взаимосвязи, которая возможна лишь между равноправными. В противоположность этому подходу М.А. Бакунин высказывал идею о «единой и нераздельной общеславянской силе» (Бакунин, 1862). Осуществлению этого идеала препятствует национальная вражда, первым условием для ее устранения является освобождение «наций государственных» из-под гнета «наций государственных». Свои федеративные идеи Бакунин

неоднократно развивал и защищал после 1862 года, уже отойдя от идеи панславизма. Многие, что он высказывал об организации будущего общества в 60–70-х годах XIX столетия, и теперь поражает своей актуальностью. Подобно Бакунину, горячим сторонником национальной автономии и федерации был А.И. Герцен, у него можно найти тезисы в духе бакунинских «федеративных идей».

В свою очередь, П.А. Кропоткин в своей известной работе «Земледелие, промышленность и кустарные промыслы» на конкретных цифрах доказывает, что промышленность всех родов централизуется, и это характерно для многих стран, ввиду чего «каждый район должен быть собственным производителем и потребителем как мануфактурных товаров, так и продуктов земледелия» (Кропоткин, 1904). Его воззрения были основаны на идее политической децентрализации, а значит – и децентрализации хозяйственной. Будучи апологетом территориальной децентрализации промышленности, Кропоткин подчеркивал, что это не противоречит капиталистической концентрации.

Большинство русских революционных групп 60–70-х годов XIX века и позже находилось под прямым или косвенным влиянием бакунинских идей, поэтому в программах и в программных заявлениях этого времени часто встречается требование федеративного переустройства России. Так, программа газеты «Народное Дело», выходящей за границей с 1868 по 1870 гг., требовала «полной воли для народов, ныне угнетенных империей, с правом полнейшего самораспоряжения, на основании их собственных инстинктов, нужд и воли».

Возникший одновременно с «Народной Волей» и просуществовавший недолго «Северный Союз русских рабочих» в первых двух пунктах своей программы говорил о «ниспровержении существующего политического и экономического строя государства» и об «учреждении свободной народной федерации общин». Вместе с тем первые русские социал-демократы-интеллигенты в своей программе, выработанной в Женеве, требовали демократической конституции и законодательного собрания, но ни одним словом не упоминали о замене централизованного государства федерацией общин или областей.

Социалисты-революционеры относились с сочувствием к национальной автономии и федеративному устройству общества, в отличие от социал-демократов; в «Революционной России» было несколько статей, горячо отстаивающих эти начала, но в общем и у партии социалистов-революционеров в отношении к вопросу о вольной федерации вольных союзов общин проявлялись неопределенность и колебания. В «Манифесте партии социал-революционеров», выпущенном в 1900 г., среди выставляемых партией требований не содержится замены централистического государства федерацией.

Весьма характерное отношение к этому вопросу отражает дискуссия на съезде «искристов» 1902 года. В частности, Ленин был против слова «областное» в программном пункте, гласящем: «широкое местное и областное самоуправление». «Это слово очень неясно, – говорил Ленин, – и может быть истолковано в том смысле, что социал-демократия требует разделения всего государства на многие области» (Ленин, 1902: 275).

В свою очередь, Ю.О. Мартов предлагал внести в программу «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно-русских местностей». Характерно, что представители кавказских комитетов очень обрадовались «либеральному» отношению Мартова к областному самоуправлению «крупных» и не «собственно-русских» местностей (Мартов, 1994: 121).

Вместе с тем в социалистической литературе также проводилась мысль о территориальной автономии как об идее и системе буржуазного происхождения. Эта мысль усиленно пропагандировалась К. Каутским. «Автономия территориальная, – писал он, – вполне совместима с духом буржуазного общества, ибо она отделяет одну нацию от другой, создавая из каждой особый индивид. Мирное же сожителство наций, живущих вперемешку, не имеющих возможности разграничить свои сферы действия, встречает сильное противодействие в существе буржуазного общества, основой которого является конкуренция, антагонизм различных слоев народа... В России... есть немало крупных областей, которые заняты не исключительно одной национальностью, а в которых живет несколько наций, образуя пеструю смесь, так что территориальное их разграничение совершенно невозможно» (Каутский, 1906: 63).

Согласно позиции социалистов в национальном вопросе, резолюция, принятая в 1907 году на конференции российских национально-социалистических партий, признавала законность национальных стремлений и желательность проведения в России принципа национальной автономии (Левин, 1917).

Иными словами, к 1917 году в общественном сознании закрепились мысли о том, что для представителей разных народностей, живущих своими обычаями и понятиями, общие законы не всегда подходят и правительство может предоставить отдельным областям, где живут другие народы, более широкие права и даже издавать свои законы (Что должно..., 1917: 17).

Основной идеей для многих отечественных мыслителей было то, что Россия не может управляться из одного центра, она настолько велика и разнообразна, что нуждается в самоуправлении более широком, чем в других странах. Центральное законодательное учреждение,

народное представительство в лице Государственной Думы не имело возможности уделять много внимания нуждам местного населения. В таком положении находилось тогда народное представительство не только в России, но и в некоторых государствах Европы. В России, как предполагалось, при Учредительном собрании один депутат должен был отвечать за 200–250 тысяч населения, а потому многие небольшие области со своеобразным укладом жизни оставались за пределами народного представительства. Поэтому все мелкие законопроекты должны были бы проводиться в местных учреждениях.

Таким образом, в истории России проблема автономизации территориальных единиц возникала неоднократно. Она была связана с необходимостью учитывать многообразие национальных, религиозных, культурных и географических особенностей различных регионов страны. Оспаривая взгляды противников автономии, исходящих из идеи государственного единства, сторонники автономии доказывали, что автономия не только не нарушает государственного единства, но его и не затрагивает. Однако были и яростные противники автономизации, что лишь доказывает ее противоречивый характер.

Содержание работ отечественных ученых рубежа веков является важным аналитическим материалом для понимания современных вызовов в российской территориальной политике.

Российская империя всегда была многонациональным государством с различными этническими, культурными и религиозными группами на всей своей территории. Само возникновение Российской империи связано с процессом объединения регионов и народов, который начался в XVI веке и продолжался до конца XIX века. Одним из основных способов управления таким государством была централизация власти, однако это часто приводило к конфликтам и протестам в регионах.

В связи с этим правительство России было вынуждено проводить политику автономизации территориальных единиц, позволяющую учитывать местные особенности и интересы народов и регионов. Эта политика включала в себя различные формы автономии, а также различные формы управления.

В Российской империи автономия была признана важным инструментом управления многонациональным государством. В то же время ее осуществление в реальности было нередко затруднено из-за конфликтов между центром и регионами, а также из-за сложности балансирования между укреплением централизованной власти и удовлетворением интересов различных национальностей (Шершеневич, 1912).

Одной из проблем автономизации является трудность определения масштабов и границ автономии. Кроме того, часто возникали разногласия по поводу прав и обязанностей автономных регионов перед центром. Некоторые регионы старались использовать свой статус для защиты своих интересов, что могло приводить к конфликтам с центром.

Вопрос о необходимости автономизации становился особенно актуальным в периоды социально-политических потрясений, например, в начале XX века, когда национальные движения стали выступать за расширение прав национальных меньшинств.

По большому счету, проблема автономизации территориальных единиц в Российской империи была связана с необходимостью учитывать многообразие национальных, религиозных, культурных и географических особенностей различных регионов страны, а также с необходимостью сохранять баланс между укреплением централизованной власти и удовлетворением интересов различных национальностей.

Можно назвать ряд очевидных факторов, которые способствовали проведению политики автономизации территориальных единиц в России – политические, социальные, экономические, культурные и этнические. Одним из главных факторов были политические и социальные условия, такие как необходимость укрепления централизованной власти (Карсавин, 2005: 42) и уменьшения конфликтов в регионах (Зубов, 2011: 86).

Экономические интересы также сыграли свою роль в автономизации территориальных единиц, особенно в контексте развития регионов и эксплуатации природных ресурсов. Например, экономически развитые регионы империи могли стремиться к автономии, чтобы сохранить большую часть своих доходов и не отдавать их в централизованный бюджет. Так, автономизация Сибири в Российской империи была обусловлена ее значительным экономическим потенциалом и желанием местных элит сохранить его в своих руках (Гольман, 2014: 23).

Некоторые регионы имели развитую промышленность или благоприятные природные условия для сельского хозяйства, что делало их более процветающими, чем другие (Плеханов, 2001: 107). В этой связи территории с развитой экономикой требовали большей автономии в принятии решений по вопросам экономического развития. Кроме того, у местных представителей было более полное представление о местных потребностях и проблемах, что также способствовало их стремлению к автономии. Например, на Северном Кавказе в начале XX века возник конфликт между центральной властью и местными предпринимателями, которые выступали за свободу экономической деятельности в регионе (Ремизов, 2015: 54).

В связи с развитием промышленности и ростом национальных рынков появилась потребность в гибкой системе управления, которая могла бы учитывать специфику региональной экономики (Гаджиев, 2016: 7). Это привело к созданию автономных республик и округов, которые могли бы

принимать самостоятельные решения в экономической сфере и регулировать экономические отношения внутри своих границ.

Культурные и этнические факторы также оказывали влияние на автономизацию территориальных единиц в Российской империи, поскольку они позволяли сохранять и укреплять национальные традиции и обычаи (Индриев, 2017: 21). В связи с различиями в языке, традициях и обычаях национальные меньшинства часто испытывали дискриминацию со стороны центральной власти. Создание автономных областей и республик, где национальные меньшинства могли бы управлять своими делами и сохранять свою культуру, стало одним из способов уменьшения этой дискриминации (Степанова, 2018: 73).

Одним из ключевых политических факторов, способствующих автономизации территориальных единиц, на наш взгляд, следует считать расширение участия граждан в политической жизни страны на рубеже веков. Социальные конфликты и неудовлетворенность населения централизованным управлением сыграли определяющую роль в этом процессе. Так, например, автономизация казачьих общин в Российской империи была вызвана их неудовлетворенностью централизованным управлением и конфликтами с властями (Копанева, 2003).

Таким образом, факторы, способствовавшие автономизации территориальных единиц в России, были разнообразными и включали в себя политические, экономические, культурные и этнические аспекты. Они отражали нужды и интересы разных групп населения и обеспечивали более гибкую систему управления в целом.

Однако автономизация территориальных единиц в Российской империи имела и негативные последствия: она способствовала усилению разобщенности национальных групп, что в долгосрочной перспективе привело к процессу дезинтеграции Российской империи, усугубленной фактором наличия сложного этнического состава населения. В империи существовали многочисленные этнические группы, каждая из которых имела свои традиции, культуру и язык (Зубов, 2011: 12). Подавляющее большинство этих групп не имело своего государства и стремилось сохранить свою идентичность в составе Российской империи. При этом политика центральной власти в отношении национальных меньшинств была неоднозначной, что приводило к возникновению напряженности в отношениях между национальными группами и государством.

В связи с этим национальные движения становились все более активными, требуя признания своих прав и свобод. Некоторые из этих движений стремились к созданию автономных республик или к объединению в национальные области. Правительство Российской империи старалось противодействовать этим требованиям, опасаясь утраты контроля над территориями и национальными группами.

В результате влияния всех вышеупомянутых факторов проблема автономизации территориальных единиц стала одной из наиболее актуальных проблем в Российской империи к началу XX века.

Очевидно, что процесс автономизации территориальных единиц в Российской империи не был легким и быстро реализуемым. Главным препятствием на пути к автономии была централизованная власть, которая стремилась сохранить свой контроль над всеми регионами России. Регионы вынуждены были бороться за свои права, что приводило к конфликтам с центральной властью. Но, несмотря на все трудности, процесс автономизации территориальных единиц в Российской империи в дальнейшем все же состоялся, что, в свою очередь, можно в целом оценивать как позитивное явление в истории страны.

Таким образом, проблема автономизации территориальных единиц в Российской империи была актуальной на протяжении всего XIX и в начале XX веков. Регионы стремились к своей автономии, чтобы иметь возможность самостоятельно управлять своими территориями и решать вопросы, касающиеся их жителей. Несмотря на сопротивление центральной власти, процесс автономизации был перманентным и оказал положительное влияние на развитие России в целом.

Исторический экскурс показал, что решение проблемы автономизации территориальных единиц в Российской империи в последнее столетие ее существования, отраженной в общественных дискуссиях, была сложным и многогранным процессом, обусловленным историческим контекстом и уникальными геополитическими особенностями формирования страны.

4. Заключение

Автономизация территориальных единиц в тех или иных формах была для России важным инструментом для управления многонациональными и многокультурными регионами. Оценивая степень эффективности автономизации, следует констатировать, что она сыграла положительную роль в укреплении централизованной власти в Российской империи. Процессы автономизации в России были наиболее распространены в регионах с высокой этнической и культурной диверсификацией, а также в экономически развитых регионах.

Однако, несмотря на определенные успехи в автономизации, эта политика имела и свои недостатки. В частности, для ее эффективной реализации необходимо было в большей степени

учитывать региональные особенности и создавать соответствующие институты управления, чего российские имперские власти в силу многих обстоятельств не могли обеспечить в полной мере.

С другой стороны, рассмотрение данной проблемы не может быть ограничено историческим контекстом, поскольку сегодня автономия является важной составляющей политической жизни многих стран, включая Россию. Как показывает история, конфликты между централизованной властью и автономными регионами могут возникать в любой стране, включая Россию.

Несмотря на наличие ряда нерешенных вопросов, совершенствование законодательства в области самоуправления и создание условий для более широкого участия представителей регионов в принятии решений является важным шагом на пути к решению проблемы автономизации в будущем.

Литература

- Автономия и федерация, 1917** – Автономия и федерация. Харьков: Тип. Сергеева, 1917. 32 с.
- Автономия, 1906** – Автономия // Под ред. Вл. М. Гессена. СПб., 1906. 48 с.
- Автономия, 1910** – Автономия // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 1. 1910. 344 с.
- Ахременко, 2012** – Ахременко А.С. Автономизация регионов в Российской империи: история и современность. М.: Издательский дом «Альпина Нон-фикшн», 2012. 352 с.
- Бакунин, 1862** – Бакунин М.А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель? Лондон, 1862. 48 с.
- Бондаренко, 2019** – Бондаренко В.И. Автономизация: история и современность. М.: РОССПЭН, 2019. 270 с.
- Бухарин, 1959** – Бухарин Н.И. Проблема национальностей и социалистическое строительство. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 416 с.
- Гаджиев, 2016** – Гаджиев А.Г. Автономия и самоуправление: наследие прошлого и роль в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки». 2016. № 2. С. 5-16.
- Гегель, 1990** – Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 328 с.
- Гольман, 2014** – Гольман М. Экономический фактор в автономизации Сибири в конце XIX – начале XX вв. 2014 // Актуальные проблемы науки и образования. 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15280>
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Григорьев, 2008** – Григорьев Ю.В. Российская автономия: история и перспективы. М.: Издательство Московского университета, 2008. 320 с.
- Грушевский, 1907** – Грушевский М. Национальный вопрос и автономия. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. 15 с.
- Грушин, 2002** – Грушин Б.А. Политические партии в России. М.: Новое издательство, 2002. 224 с.
- Динзе, 1917** – Динзе В.О. Что такое автономия? / В.Ф. Динзе. Пг.: Н.Н. Карбасников, 1917. 15 с.
- Зубов, 2011** – Зубов А.С. Россия и ее кризисы: власть, элиты, народ. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.
- Индриев, 2017** – Индриев А.А. Национальные республики России: история и современность. М.: Издательский дом «Дело», 2017. 496 с.
- Карсавин, 2005** – Карсавин Л.И. Федерализм в России: проблемы и перспективы. М.: Наука, 2005. 224 с.
- Каутский, 1906** – Каутский К. О национальном вопросе в России. СПб.: Изд. «Трибуна». 1906. С. 63-64.
- Копанева, 2003** – Копанева О.И. Казачество и российская государственность (историко-правовой анализ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 28 с.
- Кропоткин, 1904** – Кропоткин П.А. Земледелие, промышленность и ремесла / Пер. с англ. А.Н. Коншина. 2-е изд. М.: Посредник, 1904. 218 с.
- Ключников, 1994** – Ключников А.М. Российская империя и национальные движения. М.: Наука, 1994. 327 с.
- Кульчицкий (Мазовецкий), 1907** – Кульчицкий К. (Мазовецкий). Автономия и федерация в современных конституционных государствах. Пер. с пол. А. Паткина с доп., изм. и предисл. авт. специально для рус. изд. М.: Изд. Петровской б-ки в Москве, 1907. 214 с.
- Лазаревский, 1906** – Лазаревский Н.И. Автономия / Пр.-доц. Н.И. Лазаревский. СПб.: Скл. изд. при Юрид. кн. скл. "Право", 1906. 32 с.
- Левин, 1917** – Левин Д. Национальный вопрос. Одесса, 1917. 16 с.
- Ленин, 1987** – Ленин В.И. Государство и революция. М.: Политиздат, 1987. 576 с.
- Ленин, 1967** – Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1967. Т. 7. Сентябрь 1902 – сентябрь 1903. С. 275.
- Мартов, 1994** – Мартов Ю.О. Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В.В. Шелохаев. М.: Терра, 1994. 304 с.
- Новоторжский, 1906** – Новоторжский Г. Национальный вопрос, автономия и федерация. М.: Новое т-во, 1906. 32 с. 17. (Серия «Популярная библиотека» / Под ред. А. Рудина и С. Нечетного, № 20).

- Плеханов, 2001 – Плеханов Г.В. О соотношении экономических интересов и политических убеждений. СПб.: Наука, 2001. 272 с.
- Поссе, 1906 – Поссе В.А. Национальная автономия и всемирная федерация. СПб., 1906. 68 с.
- Ратнер, 1906 – Ратнер М.Б. О национальной и территориальной автономии. Киев-Петербург: Книгоиздательство «СЕРП», 1906. 29 с.
- Ремизов, 2015 – Ремизов О.А. Автономизация территориальных единиц в Российской империи. М.: Главная редакция военно-исторического журнала, 2015. 144 с.
- Розенберг, 2015 – Розенберг А.Л. Автономизация территорий в России в конце XIX – начале XX века // *Вестник Иркутского государственного университета*. Серия «История. Политология». 2015. № 13. С. 27-32.
- Сергеев, 2019 – Сергеев А.В. Автономия в России: история и современность // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. № 4. С. 74-84.
- Сидоров, 2015 – Сидоров А.А. Автономия и федерализм в России: история и современность // *Политические исследования*. 2015. № 3. С. 32-38.
- Снарский, 1907 – Снарский А.Т. Автономия или федерация? СПб., 1907. 62 с.
- Соловьев, 2013 – Соловьев А.А. Автономия в России: исторический контекст и перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 12 «Политические науки»*. 2013. № 3. С. 87-103.
- Сорокин, 1917 – Сорокин П. Автономия национальностей и единство государства [Текст] / Питирим Сорокин. Петроград: Набат, [1917]. 16 с.
- Степанова, 2018 – Степанова Т.А. Национальные республики и автономии России: роль и значение в государственном устройстве России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 7. С. 71-79.
- Уваров, 2018 – Уваров А.В. История казачества. М.: Логос, 2018. 432 с.
- Что должно..., 1917 – Что должно решать Учредительное Собрание. Харьков: Кооперативная типография Борович, 1917. 32 с.
- Шелохова, 2014 – Шелохова Н. Автономия в Российской Империи: проблемы и перспективы. М., 2014. 124 с.
- Шершеневич, 1910 – Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. Выпуск четвертый. М., 1910. 839 с.
- Шраг, 1906 – Шраг И. О союзе автономистов // *Украинский Вестник*. 1906. № 1. С. 64-68.
- Laband, 1895 – Laband P. Staatsrecht des deutschen Reichs. Т. I. 1895. P. 97.

References

- Akhremenko, 2012 – Akhremenko, A.S. (2012). Avtonomizatsiya regionov v Rossiiskoi imperii: istoriya i sovremennost' [Autonomization of regions in the Russian Empire: history and modernity]. М.: Izdatel'skii dom «Al'pina Non-fikshn», 352 p. [in Russian]
- Avtonomiya i federatsiya, 1917 – Avtonomiya i federatsiya [Autonomy and federation]. Khar'kov: Tip. Sergeeva, 1917. 32 p. [in Russian]
- Avtonomiya, 1906 – Avtonomiya [Autonomy]. Pod red. Vl. M. Gessena. SPB., 1906. 48 p. [in Russian]
- Avtonomiya, 1910 – Avtonomiya [Autonomy]. Entsiklopedicheskii slovar' Granat. 7-e izd. Т. 1. 1910. 344 p. [in Russian]
- Bakunin, 1862 – Bakunin, M.A. (1862). Narodnoe delo. Romanov, Pugachev ili Pestel'? [People's business. Romanov, Pugachev or Pestel?]. London, 1862. 48 p. [in Russian]
- Bondarenko, 2019 – Bondarenko, V.I. (2019). Avtonomizatsiya: istoriya i sovremennost' [Autonomization: history and modernity]. М.: ROSSPEN, 270 p. [in Russian]
- Bukharin, 1959 – Bukharin, N.I. (1959). Problema natsional'nostei i sotsialisticheskoe stroitel'stvo [The problem of nationalities and socialist construction]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 416 p. [in Russian]
- Chto dolzhno..., 1917 – Chto dolzhno reshat' Uchreditel'noe Sobranie [What should the Constituent Assembly decide?]. Khar'kov: Kooperativnaya tipografiya Borovich, 1917. 32 p. [in Russian]
- Dinze, 1917 – Dinze, V.O. (1917). Chto takoe avtonomiya? [What is autonomy?] V.F. Dinze. Pg.: N.N. Karbasnikov, 15 p. [in Russian]
- Gadzhiev, 2016 – Gadzhiev, A.G. (2016). Avtonomiya i samoupravlenie: nasledie proshlogo i rol' v sovremennoi Rossii [Autonomy and self-government: the legacy of the past and the role in modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12 «Politicheskie nauki». 2: 5-16. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gegel', 1990 – Gegel', G.V.F. (1990). Filosofiya prava [Philosophy of law]. М.: Mysl', 328 p. [in Russian]
- Gol'man, 2014 – Gol'man, M. (2014). Ekonomicheskii faktor v avtonomizatsii Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. 2014 [Economic factor in the autonomization of Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Electronic resource]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15280> [in Russian]

- Grigor'ev, 2008** – *Grigor'ev, Yu.V.* (2008). Rossiiskaya avtonomiya: istoriya i perspektivy [Russian autonomy: history and prospects]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 320 p. [in Russian]
- Grushevskii, 1907** – *Grushevskii, M.* (1907). Natsional'nyi vopros i avtonomiya [National question and autonomy]. SPb.: Tip. t-va «Obshchestv. pol'za», 15 p. [in Russian]
- Grushin, 2002** – *Grushin, B.A.* (2002). Politicheskie partii v Rossii [Political parties in Russia]. M.: Novoe izdatel'stvo, 224 p. [in Russian]
- Indriev, 2017** – *Indriev, A.A.* (2017). Natsional'nye respubliki Rossii: istoriya i sovremennost' [National republics of Russia: history and modernity]. M.: Izdatel'skii dom «Delo», 496 p. [in Russian]
- Karsavin, 2005** – *Karsavin, L.I.* (2005). Federalizm v Rossii: problemy i perspektivy [Federalism in Russia: problems and prospects]. M.: Nauka, 224 p. [in Russian]
- Kautskii, 1906** – *Kautskii, K.* (1906). O natsional'nom voprose v Rossii [On the national question in Russia]. SPb.: Izd. «Tribuna». Pp. 63-64. [in Russian]
- Klyuchnikov, 1994** – *Klyuchnikov, A.M.* (1994). Rossiiskaya imperiya i natsional'nye dvizheniya [Russian Empire and National Movements]. M.: Nauka, 327 p. [in Russian]
- Kopaneva, 2003** – *Kopaneva, O.I.* (2003). Kazachestvo i rossiiskaya gosudarstvennost' (istoriko-pravovoi analiz) [Cossacks and Russian statehood (historical and legal analysis)]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 28 p. [in Russian]
- Kropotkin, 1904** – *Kropotkin, P.A.* (1904). Zemledelie, promyshlennost' i remesla [Agriculture, industry and crafts]. Per. s angl. A.N. Konshina. 2-e izd. M.: Posrednik, 218 p. [in Russian]
- Kul'chitskii (Mazovetskii), 1907** – *Kul'chitskii, K. (Mazovetskii)* (1907). Avtonomiya i federatsiya v sovremennykh konstitutsionnykh gosudarstvakh [Autonomy and federation in modern constitutional states]. Per. s pol. A. Patkina s dop., izm. i predisl. avt. spetsial'no dlya rus. izd. M.: Izd. Petrovskoi b-ki v Moskve, 214 p. [in Russian]
- Laband, 1895** – *Laband P.* Staatsrecht des deutschen Reichs. T. I. 1895. P. 97.
- Lazarevskii, 1906** – *Lazarevskii, N.I.* (1906). Avtonomiya [Autonomy]. Pr.-dots. N.I. Lazarevskii. SPb.: Skl. izd. pri Yurid. kn. skl. "Pravo", 32 p. [in Russian]
- Lenin, 1967** – *Lenin, V.I.* (1967). Polnoe sobranie sochinenii: V 55 t. [Complete works: in 55 volumes]. In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 5-e izd. M.: Gos. izd-vo polit. lit. T. 7. Sentyabr' 1902 – sentyabr' P. 275. [in Russian]
- Lenin, 1987** – *Lenin, V.I.* (1987). Gosudarstvo i revolyutsiya [State and revolution]. M.: Politizdat, 576 p. [in Russian]
- Levin, 1917** – *Levin, D.* (1917). Natsional'nyi vopros [National question]. Odessa, 16 p. [in Russian]
- Martov, 1994** – *Martov, Yu.O.* (1994). Politicheskaya istoriya Rossii v partiyakh i litsakh [Political history of Russia in parties and persons]. Sost. V.V. Shelokhaev. M.: Terra, 304 p. [in Russian]
- Novotorzhskii, 1906** – *Novotorzhskii, G.* (1906). Natsional'nyi vopros, avtonomiya i federatsiya [National question, autonomy and federation]. M.: Novoe t-vo, 32 p. 17. (Seriya «Populyarnaya biblioteka». Pod red. A. Rudina i S. Nechetnogo, № 20). [in Russian]
- Plekhanov, 2001** – *Plekhanov, G.V.* (2001). O sootnoshenii ekonomicheskikh interesov i politicheskikh ubezhdenii [On the correlation of economic interests and political convictions]. SPb.: Nauka, 272 p. [in Russian]
- Posse, 1906** – *Posse, V.A.* (1906). Natsional'naya avtonomiya i vseмирnaya federatsiya [National autonomy and world federation]. SPb., 68 p. [in Russian]
- Ratner, 1906** – *Ratner, M.B.* (1906). O natsional'noi i territorial'noi avtonomii [On national and territorial autonomy]. Kiev-Peterburg: Knigoizdatel'stvo «SERP», 29 p. [in Russian]
- Remizov, 2015** – *Remizov, O.A.* (2015). Avtonomizatsiya territorial'nykh edinit v Rossiiskoi imperii [Autonomization of territorial units in the Russian Empire]. M.: Glavnaya redaktsiya voenno-istoricheskogo zhurnala, 144 p. [in Russian]
- Rozenberg, 2015** – *Rozenberg, A.L.* (2015). Avtonomizatsiya territorii v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Autonomization of territories in Russia at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya «Istoriya. Politologiya». 13: 27-32. [in Russian]
- Sergeev 2019** – *Sergeev, A.V.* (2019). Avtonomiya v Rossii: istoriya i sovremennost' [Autonomy in Russia: history and modernity]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Politologiya. 4: 74-84. [in Russian]
- Shelokhova, 2014** – *Shelokhova, N.* (2014). Avtonomiya v Rossiiskoi Imperii: problemy i perspektivy [Autonomy in the Russian Empire: problems and prospects]. M., 124 p. [in Russian]
- Shershenevich, 1910** – *Shershenevich, G.F.* (1910). Filosofiya prava [Philosophy of law]. T. 1. Chast' teoreticheskaya. Obshchaya teoriya prava. Vypusk chetvertyi. M., 839 p. [in Russian]
- Shrag, 1906** – *Shrag, I.* (1906). O soyuze avtonomistov [About the union of autonomists]. *Ukrainskii Vestnik*. 1: 64-68. [in Russian]
- Sidorov, 2015** – *Sidorov, A.A.* (2015). Avtonomiya i federalizm v Rossii: istoriya i sovremennost' [Autonomy and Federalism in Russia: History and Modernity]. *Politicheskie issledovaniya*. 3: 32-38. [in Russian]
- Snarskii, 1907** – *Snarskii, A.T.* (1907). Avtonomiya ili federatsiya? [Autonomy or federation?]. SPb., 62 p. [in Russian]

Solov'ev, 2013 – Solov'ev, A.A. (2013). Avtonomiya v Rossii: istoricheskii kontekst i perspektivy [Autonomy in Russia: historical context and perspectives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12 «Politicheskie nauki»*. 3: 87-103. [in Russian]

Sorokin, 1917 – Sorokin, P. (1917). Avtonomiya natsional'nostei i edinstvo gosudarstva [Autonomy of nationalities and the unity of the state]. Pitirim Sorokin. Petrograd: Nabat, 16 p. [in Russian]

Stepanova, 2018 – Stepanova, T.A. (2018). Natsional'nye respubliki i avtonomii Rossii: rol' i znachenie v gosudarstvennom ustroistve Rossii [National republics and autonomies of Russia: role and significance in the state structure of Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 62(7): 71-79. [in Russian]

Uvarov, 2018 – Uvarov, A.V. (2018). Istoriya kazachestva [History of the Cossacks]. M.: Logos, 432 p. [in Russian]

Zubov, 2011 – Zubov, A.S. (2011). Rossiya i ee krizisy: vlast', elity, narod [Russia and its crises: power, elites, people]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 416 p. [in Russian]

Проблема автономизации территориальных единиц в Российской империи. Содержание общественных дискуссий XIX – начала XX веков

Егор Евгеньевич Кочетков ^{a, *}, Анна Александровна Никлаус ^b

^a Российский университет транспорта, Российская Федерация

^b Московский психолого-социальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы автономизации в контексте исторического развития Российской империи. Автономизация территориальных единиц крупного государства, каким всегда была Россия, – это сложный и многогранный процесс, который зависит от множества факторов. Дан анализ сильных и слабых сторон процесса автономизации в Российской империи – вопрос, актуальный и для современной России. По этой причине вопрос об автономиях по-прежнему является предметом дискуссии как ученых, так и практиков – так же, как это происходило на протяжении столетий в российском обществе. В статье описаны политические и административные меры, предпринимаемые правительством Российской империи для предоставления различной степени автономии различным регионам и этническим группам страны. Эти меры, хотя и имели определенный успех применительно к продвижению местного самоуправления и сохранению культурного разнообразия, но столкнулись со значительными проблемами и ограничениями по разным основаниям, особенно в условиях усиления контроля и централизации со стороны монархической власти. Отмечена напряженность между стремлением центрального правительства к контролю и стремлением местного населения к большему самоуправлению. Авторы подчеркивают, что сложности процесса автономизации империи были связаны с региональными различиями, уникальной историей и культурой различных регионов, языковой дифференциацией. Для поддержки своих аргументов авторы используют ряд академических источников, включая правовые акты и материалы научных дискуссий. Попытка рассмотреть проблему автономизации территориальных единиц Российской империи соотносится в статье с историческими реалиями, характерными для России, с проекцией на современность.

Ключевые слова: автономия, автономизация, территориальные единицы, Российская империя, централизация, регионализм, децентрализация, политическая власть, дискуссии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kochetkov.work@gmail.com (Е.Е. Кочетков),
nicklaus.anna@gmail.com (А.А. Никлаус)